

Глава 5

Наступило ещё одно утро, казалось бы, ничем не отличавшееся от других.

Нань Ши открыл глаза и, не обнаружив перед лицом ничего ужасающего, с облегчением выдохнул. Он осторожно сел и огляделся. В комнате царил тишина. Ароматическая палочка на длинном столике догорела, оставив после себя лишь столбики пепла на подставке в форме лотоса. Похоже, ночью сюда никто не заходил.

Цин Лань не стала устраивать новых представлений, от которых его бедное сердце готово было выпрыгнуть из груди. Нань Ши с удовлетворением снова лёг, натянул одеяло на голову и сладко заснул.

Он проснулся лишь тогда, когда солнце было уже высоко. Его разбудила Цин Лань, сообщив, что Чи Ю ждёт его в кабинете.

На лице Нань Ши было написано вселенское страдание. Второй сон ему совсем не удался. Ему приснился кошмар.

Сюжет был прост: та самая точка, которую он вчера нарисовал в комнате брата. Но теперь она размножилась до бесконечности, и весь кабинет — пол, стены, окна — был усеян листами бумаги с одинокой точкой.

Чи Ю стоял у него за спиной, положив руку ему на плечо, и ледяным, бесстрастным тоном говорил:

— А теперь проанализируй эту точку. Расскажи, что чувствовал тот старик по фамилии Чэнь, когда увидел её, и какие мысли и эмоции она в нём вызвала?

Нань Ши, заикаясь, что-то ответил. Но брат убрал первый лист, указал на второй и велел продолжать. На третьем листе Нань Ши окончательно сбился и уже хотел было взмолиться о пощаде, как услышал голос брата:

— Безнадёжно. Таланта ноль. Можешь отправляться на перерождение.

Нань Ши от ужаса начал нести какую-то околесицу. Брат на это лишь усмехался — то так, то эдак, но всегда так, что у Нань Ши волосы на голове вставали дыбом, а по спине бежали мурашки. Он то и дело вставлял фразы вроде «я отправлю тебя на перерождение», отчего у Нань Ши отмирали миллионы нервных клеток. Когда он, наконец, с горем пополам проанализировал все листы в комнате, брат снова положил перед ним первый и спросил:

— А теперь расскажи, что ты сам думаешь об этом «божественном штрихе»? Какие чувства ты в него вкладывал?

Нань Ши, доведённый до отчаяния, уже собирался взорваться и крикнуть: «Да чтоб тебя, я тогда вообще ничего не соображал!», но тут его разбудила Цин Лань.

Словно вернулся в выпускной класс.

Нет! Даже в выпускном классе не было так страшно! Если завалишь экзамены, можно, в конце концов, пересдать через год. Не получится через год — через два. В крайнем случае, можно пойти в колледж попроще. Но ведь не придётся же перерождаться и создавать нового персонажа!

Он всерьёз подозревал, что это был не сон, а Чи Ю каким-то образом проник в его сновидения, чтобы проучить.

Наверняка он вчера снова чем-то разозлил брата. Может, тот узнал, что он принёс ему вчерашние остатки жареного мяса на кости?

Нань Ши мысленно крыл брата на чём свет стоит, но внешне послушно умылся и отправился на доклад.

— Старший брат? — Нань Ши трижды постучал.

Не успел затихнуть третий стук, как резная дверь бесшумно отворилась, открывая взору Чи Ю, который сидел за столом, закрыв глаза.

Он открыл глаза и посмотрел на Нань Ши.

— Входи.

— Слушаюсь, — ответил Нань Ши и подошёл к столу.

Не успел он и слова сказать, как Чи Ю указал на стул, приглашая его сесть.

Когда Чи Ю был неподвижен, он напоминал изящную статую — прекрасную, но безжизненную. Но стоило ему шевельнуться, как статуя будто оживала, наполняясь плотью и кровью, обретая невыразимую одухотворённость. И всё же он оставался похож на изваяние.

Да и какой толк от одухотворённости статуи? Она всё равно мертва. Главное — это жизненная сила.

А вот её-то у Чи Ю и не было.

Нань Ши, поймав на себе его взгляд, почувствовал, как по коже пробежал холодок — следствие кошмара. Ему казалось, что стоит ему сесть, как брат тут же достанет лист бумаги и спросит, какие чувства он в него вкладывал.

— Старший брат... вы звали меня по делу?

— А если не по делу, то звать нельзя? — Чи Ю подпёр щеку рукой и, слегка наклонив голову, посмотрел на Нань Ши. — Садись.

— Да, старший брат, — Нань Ши робко опустился на стул.

Чи Ю махнул рукой, приказывая слугам подавать еду. Вскоре стол был заставлен множеством блюд. Нань Ши, проспавший до этого времени, был действительно голоден, поэтому без лишних слов принялся за еду.

Когда с трапезой было покончено, они перешли в соседнюю комнату. Две главные служанки, стоя по обе стороны, помогли им умыть руки и лицо. Чи Ю бросил полотенце в таз. Нань Ши, видя, что дел больше нет, уже собирался откланяться, но Чи Ю указал на шкатулку из дерева цзытань на столе.

— Возьми, поиграешь. Безделушки, ничего не стоят. Делай с ними что хочешь.

Нань Ши взглянул на шкатулку и, опустив голову, поблагодарил:

— Спасибо, старший брат.

— Мгм, — небрежно отозвался Чи Ю и махнул рукой, отпуская его, но вдруг добавил: — Ты выучил «И цзин», как я велел?

— ...Выучил, — после паузы ответил Нань Ши.

Только тогда Чи Ю удовлетворённо кивнул.

— Я так и думал... Господин Нань, если люди узнают, что вы даже «И цзин» не знаете, что станет с вашей репутацией?

— Да, старший брат, — Нань Ши схватил шкатулку и поспешил уйти, пока Чи Ю не придумал для него ещё какое-нибудь испытание!

Теперь понятно, к чему был вчерашний сон! Это было предзнаменование!

«И» — это «И цзин», «Книга Перемен».

Для гадателя «И цзин» был так же важен, как закон всемирного тяготения для физика или «Речи в походе» для филолога. Не знать его было нельзя.

Но проверка знаний у его брата заключалась не в том, чтобы читать текст по порядку. Он мог наугад назвать гексаграмму и потребовать её толкования, причём нужно было не только процитировать соответствующий канон, но и объяснить значение.

Нань Ши неплохо освоил гадание по иероглифам и чтение судьбы. Не то чтобы он понимал всё с полуслова, но схватывал на лету. А вот с основами основ — гексаграммами «Чжоу И» — у него была какая-то врождённая несовместимость. Он постоянно всё путал и забывал, и каждый раз на экзамене получал от брата по рукам.

Он был из тех, кто полагается на талант: «Не спрашивайте, почему я не знаю „И цзин“, но понимаю всё остальное. Не знаю, просто понимаю! А почему, зная остальное, я не могу освоить основы? Почём мне знать!»

И всё же «И цзин» нужно было учить и знать наизусть.

У Нань Ши было соглашение с Чи Ю: за пятнадцать лет он должен был освоить все знания Чи Ю и унаследовать пост владыки горы Чжаояо.

Гора Чжаояо в древности была великой школой гадателей. Последний её владыка, Чи Ю, то есть его старший брат, каким-то образом умудрился погубить всю школу. Не осталось ни одной побочной ветви, все были погребены в гробнице, и линия преемственности прервалась.

Нань Ши не знал, что нашло на брата, но тот вдруг захотел найти наследника. И тут подвернулся Нань Ши, случайно забредший в его гробницу. Так он и стал его учеником.

Нань Ши тогда был напуган до смерти и на всё соглашался, лишь бы остаться в живых.

А почему «старший брат», а не «учитель»? Нань Ши как-то спросил об этом Чи Ю. Тот ответил, что так захотел. Он принял его в ученики от имени своего учителя, и ему так нравится.

Нань Ши тогда промолчал, но втайне думал, что за гибелью школы Чжаояо кроется какая-то древняя несправедливость или трагедия. Наверное, брат чувствует вину перед предками и не смеет принимать учеников от своего имени.

Но это были лишь догадки. Правды он не знал.

Кстати, Нань Ши тогда наивно полагал, что получил какой-то чит, стал главным героем

романа, которому суждено взлететь до небес, и через тридцать лет никто не посмеет его унизить. Но оказалось, что чит он, конечно, получил, но в придачу к нему шёл целый сонм «старых дедушек» — его брат вместе со всеми своими слугами последовал за ним в город S. Там он непонятным образом стал владельцем самого известного в городе дома с привидениями и поселил Нань Ши вместе с собой.

С тех пор Нань Ши и вёл такую жизнь, что, открывая и закрывая глаза, видел «добрых друзей».

Это было смертельно опасно. Можно ли вернуть этот чит? Он ему не нужен!

При этой мысли Нань Ши невольно тяжело вздохнул. Схватив шкатулку, он бросился прочь, словно надеясь, что, выбежав из дома, он оставит всё это позади, как дурной сон.

Чи Ю, глядя, как Нань Ши улепётывает, словно заяц, усмехнулся. Он взмахнул длинным рукавом, и резные двери одна за другой закрылись, отсекая свет и тепло.

Солнце было в зените. Ему пора было отдыхать.

Из-за всех этих событий Нань Ши опоздал в лавку. Он видел, что многие торговцы уже пообедали и греются на солнышке у своих дверей.

Впрочем, сегодня был будний день, не туристический сезон, так что на пешеходной улице было немногочленно. Нань Ши окинул взглядом поток прохожих и решил, что раз уж опоздал, то можно заодно прогуляться по задним улочкам.

Эта пешеходная улица была интересным местом. Когда-то она была частью старой улицы длиной в семь ли. Но судьба у разных её частей сложилась по-разному. Первые два ли были отреставрированы властями в стиле поздней Цин и превратились в современную торговую улицу. Остальные пять ли сохранили свой исторический облик, оставшись в основном жилым районом с рынками и прочим.

Самой необычной была та часть, что примыкала к пешеходной улице. Со временем она стала местом сборища «узелочников» — торговцев антиквариатом. Так называли мелких торговцев без своих лавок, которые расстилали на земле узелок с товаром, и вот тебе готовый прилавок.

По словам предыдущего владельца лавки, здесь было много и перекупщиков, которые занимались посредничеством в антикварном деле. Некоторые из них выходили за рамки своей деятельности и ездили по деревням, скупая старые вещи, а затем перепродавали их в разных городах.

Поскольку происхождение многих вещей было сомнительным, эти перекупщики, даже имея на

руках большие деньги, не рисковали открывать настоящие магазины. Они работали от случая к случаю, и именно у них чаще всего можно было найти настоящие сокровища.

Конечно, место это было кишачим проходимцами, и что ты там купишь, зависело только от твоего собственного глаза.

Нань Ши прекрасно осознавал свои возможности. Он только-только прикоснулся к миру антиквариата и называть себя владельцем антикварной лавки было бы оскорблением для всего сообщества. Он был, в лучшем случае, хозяином магазина поделок. Поэтому тратить большие деньги здесь он не собирался. Максимум — сто-двести юаней на какую-нибудь приглянувшуюся безделушку для собственного удовольствия.

Потом, когда надоест, можно будет протереть, почистить и поставить на резную полку в магазине для вида. Тоже не в убыток.

А если кому-то с таким же вкусом, как у него, она приглянётся, можно будет и немного подзаработать. Это было бы ещё лучше.

Проходя мимо своей лавки, Нань Ши на мгновение засомневался, но всё же решил зайти, переодеться в обычную куртку и оставить шкатулку. Пойти туда в длинном халате — всё равно что написать у себя на лбу «я — жирная овца».

Неожиданно, войдя в лавку, он увидел на стеклянной витрине парчовую шкатулку размером примерно в пол-чи. Вышивка на ткани потускнела, словно от времени. Открыв её, он обнаружил сверху письмо с надписью: «Господину Нань Ши лично в руки».

Надо сказать, каллиграфия была восхитительной. Иероглифы, написанные летящим, раскованным почерком, дышали свободой и лёгким высокомерием, приковывая взгляд.

Нань Ши уже догадывался, от кого это. Открыв письмо, он убедился в своей догадке: это был вчерашний старина Чэнь. Он писал, что печать действительно нашлась в водоотводной трубе в озере. Его заветное желание исполнилось, и он отправился на перерождение. А вещи в шкатулке — это то, что он вырезал от скуки в последние годы после смерти. Они ничего не стоят, просто подарок Нань Ши на память.

Внизу стояло имя старика: Чэнь Сюаньвэй.

Шкатулка была доверху наполнена печатями, около тридцати штук. Камень, похоже, был шоушаньским, но Нань Ши в камнях не разбирался и был рад, что хотя бы этот узнал.

Он знал, что шоушаньский камень — довольно дорогой.

Все печати были разными: одни — гладкие, без украшений; другие — искусно украшены

резьбой с драконами, фениксами и травами. Они лежали вплотную друг к другу, и казалось, их владельца совсем не заботило, что они могут поцарапаться. Видимо, старина Чэнь не шутил, когда говорил, что резал их от скуки.

Нань Ши наугад взял одну. На боковой грани были выгравированы два иероглифа: Сюаньвэй.

Имя старины Чэня.

Почему-то оно показалось ему знакомым.

Нань Ши задумался, но не смог вспомнить, где его видел. Эти иероглифы часто встречаются в даосских текстах, так что неудивительно. Он решил больше не забивать себе этим голову. Собрать всё это было лень, поэтому он просто поставил шкатулку как есть на полку, запер дверь и пошёл гулять.

Зимнее солнце, видимо, располагало к лени. Обычный для этого времени гомон торговцев сегодня почти не был слышен. Нань Ши, хоть и поел дома, но, учуяв аромат цветущего османтуса, купил миску сладкого супа с бобовой пастой и рисовыми шариками. Поедая его на ходу, он вскоре пересёк границу между пешеходной улицей и старым городом и оказался на антикварном рынке.

Погода была хорошая, и торговцев было много.

Многие из них лениво дремали за своими прилавками, прикрыв лица книгами или одеждой, совершенно не боясь, что у них что-нибудь стащат. Какое блаженство!

Нань Ши смотрел на них с завистью — вот о какой жизни он мечтал!

Но из-за одной ошибки ему пришлось стать работягой, причём таким, который одновременно и в выпускном классе учится, и работает.

Одно слово — печаль, и больше он об этом ни слова.

Нань Ши обошёл рынок и заметил первую же вещь — бронзовую курильницу в форме чаши.

Честно говоря, она мало чем отличалась от тех, что продавались на Таобао за тридцать девять юаней с бесплатной доставкой, и даже была не такой изящной. Но Нань Ши с первого взгляда влюбился в её... патину.

Да, именно в патину.

Она была очень необычной. Курильница, то ли искусственно состаренная, то ли действительно пережившая века, была вся чёрная, но под солнечными лучами кое-где проглядывал тёмно-жёлтый основной цвет. А патина на ней была в виде мелких серых крапинок. Тёмно-жёлтый фон, обрамлявший эти крапинки, создавал эффект огненных облаков, что выглядело весьма интересно.

Нань Ши подошёл.

— Хозяин, можно посмотреть курильницу?

Торговец, даже не сняв с лица одежду, небрежно махнул рукой:

— Бери, только не урони.

Нань Ши, не церемонясь, взял курильницу в руки. Она была небольшой и легко умещалась в одной ладони. Он взвесил её — довольно тяжёлая, цельнолитая.

Нань Ши мысленно оценил её в тридцать юаней, но потом вспомнил, что даже латунь на металлолом принимают по двадцать юаней за цзинь. Эта курильница весила больше цзиня, плюс работа... значит, начальная цена торговца будет не меньше восьмидесяти.

Это немного превышало его ожидания, но он покрутил курильницу в руках, и чем больше смотрел, тем больше она ему нравилась. Отпускать её уже не хотелось. Он стиснул зубы и спросил:

— Хозяин, почём курильница?

Только тогда торговец приподнял одежду, взглянул и небрежно бросил:

— Повезло тебе. Вещь времён Сюаньдэ династии Мин. Восемьдесят тысяч.

— Восемьдесят, продаёшь? — Нань Ши, даже не слушая его бредни, назвал свою цену.

Уголки губ торговца дёрнулись.

— Восемьдесят? Ты шутишь? Посмотри на состояние! На форму! Где ты за восемьдесят такое найдёшь? Скажи где, я сам у него сотню штук скуплю!

Нань Ши остался невозмутим. Такая реакция означала, что он почти угадал минимальную

цену.

— Тогда девяносто?

— Если не собираешься покупать, положи на место! — торговец понял, что Нань Ши не обмануть.

Присмотревшись, он узнал в нём завсегдатая, и интерес к торгу у него пропал.

На их рынке все, кто часто ходил, были прожжёнными знатоками. Особенно если кто-то так точно называл цену — значит, обмануть его не получится.

Сейчас возраст уже ничего не значил. Иногда двадцатилетние юнцы были куда ушлее сорока-пятидесятилетних коллекционеров. Если он вбил себе в голову, что вещь — подделка, то ты его не переубедишь, хоть в лепёшку разбейся.

Нань Ши немного помялся и назвал свою окончательную цену:

— Сто. За сто заберу. Хозяин, ты сегодня уже что-нибудь продал? Нет? Считай, почин! Даю тебе красненькую!

Торговцы — народ суеверный, особенно в их деле. Многие верят в старые приметы.

И ведь иногда не поверить нельзя. Нань Ши и сам замечал эту магию: если первая сделка дня прошла удачно, то и остальные пойдут как по маслу. И чем удачнее первая, тем лучше пойдут дела дальше.

Торговец подумал и нехотя согласился:

— Ладно! Только наличными!

— Договорились! — Нань Ши с улыбкой достал из кармана стоюаневую купюру и протянул ему.

Торговец взял её, посмотрел на свет, щёлкнул по ней, затем упаковал курильницу в пластиковый пакет и отдал Нань Ши.

Получив желаемое, Нань Ши не поскупился на добрые слова:

— Желаю вам сегодня удачной торговли! Чтобы покупатели валом валили!

Услышав пожелание, торговец смягчился и, по старинному обычаю, сложил руки в приветствии:

— Спасибо за добрые слова!

Нань Ши кивнул и пошёл прочь, покачивая головой в такт напевному голосу торговца. Он надеялся, что удача торговца передастся и ему, и когда он откроет свою лавку, дела пойдут так же гладко.

В торговле так: покупатель думает, что крупно выиграл, но и продавец никогда не остаётся внакладе. Вопрос лишь в том, кто сколько заработал.

Нань Ши не был жадным. Заработал — и хорошо, неважно, много или мало.

Он прошёл от начала улицы до конца и обратно и решил, что пора возвращаться. Он больше не придирился и на прилавке с монетами потратил пятьдесят юаней на несколько десятков Монет пяти императоров, после чего направился открывать свою лавку.

Хм... курильница — сто, монеты — пятьдесят, сладкий суп — десять. Из двухсот юаней карманных денег осталось ровно сорок. По дороге можно купить молочный чай и яичную вафлю. Идеальный день начинается с идеального полдника!

Нань Ши часто заходил в лавку с молочным чаем и яичными вафлями, их магазины были наискосок друг от друга, так что все уже примелькались. Продавец, завидев его, сразу спросил:

— Как обычно?

— Да, как обычно! Сегодня — маття с моти и жемчугом! Семьдесят процентов сахара, горячий!

— Окей! Как будет готово, занесу!

Нань Ши кивнул в знак благодарности и пошёл открывать свою лавку. Он снял медный замок, и взору прохожих предстали изящные резные китайские окна, привлёкшие немало любопытных взглядов.

Он к этому уже привык. Заперев дверь изнутри, он открыл окна для проветривания.

Достав курильницу из пакета, Нань Ши не решился протирать её спиртом, боясь повредить патину — тогда сто юаней были бы потрачены зря. Он лишь слегка протёр её сухой тканью и, убедившись, что внутри чисто, заменил ею старую курильницу на гостевом столике и зажёл палочку благовоний.

Когда по комнате распространился знакомый аромат сандала, Нань Ши переоделся в длинный халат и глубоко вздохнул.

Благодать!

Только после этого он открыл дверь, официально начав рабочий день.

Монеты пяти императоров всё ещё лежали грудой на прилавке. Нань Ши достал заготовку для китайского узла, собираясь в свободное время сплести из них подвески. Одну такую можно было продать за несколько десятков юаней. Это был не самый ходовой товар, но спрос на него был всегда. Хватит на молочный чай.

Вскоре в лавку зашли посетители. Нань Ши, не обращая на них внимания, продолжал заниматься своим делом. Он подходил, только если его звали.

Подвеска от старины Чэня всё ещё лежала в кармане. Он вынул её и положил рядом с монетами, решив позже сплести для неё новый шнурок и летом повесить на свой веер для форса...

Подумав, он достал из шкатулки, подаренной стариной Чэнем, самую изящную печать, поставил её на небольшую деревянную подставку и поместил на резную полку. Кроваво-красный шоушаньский камень на фоне чёрного эбенового дерева смотрелся очень эффектно.

Не для продажи, просто для вида.

— Хозяин, покажите мне этот браслет!

— Хорошо, одну минуту, — Нань Ши с вежливой профессиональной улыбкой направился к прилавку.

<http://bllate.org/book/13704/1581483>